

ПОБОЧНЫЙ ЭФФЕКТ

Во всем виноват дворник. Пал Палыч или как его там. Однозначно он. Вчера днем температура плюсовая, снег подтаял, а ночью прихватило морозом — и пожалуйста. Возле подъезда покатушки. И я, когда выходил утром на работу, покатился и как рухнул своим до этого немного округлым лицом вниз. Плашмя. Вспомнил, это получается, еще и Оксанка, жена моя, виновата. Вечно мою обувь засунет куда-то. Вот говорил, там, где оставил ботинки, там пусть и лежат. А она все равно по-своему сделает. Я свои форменные ботинки не нашел, обул обычные. А они скользят похлеще коньков. Упал возле подъезда так, что нос в бок уехал, кровь хлещет, я матерюсь. Вот такое начало дня, етить его за ногу. Кое-как снегом умылся, кровь остановилась, нос на место вернул, но боль дикая, и побежал на работу. Аккуратно побежал, чтобы еще раз не упасть.

Работал я охранником в школе. Работа не пыльная, но ответственная — то детишек разнять, если дерутся, то не пустить кого-нибудь, если сильно посторонний. Работа как работа.

Сегодня пришел, переоделся и сел на свой пост. Лицо по-трогал — опухло, и в носу такая пульсирующая боль. А детишки, как начали в школу заходить, почему-то вместо привычного «Здрасьте, дядь Женя!» — шугаются и пробегают мимо. Ну, думаю, рожа у меня та еще. Учителя тоже косятся, а трудовик подошел и такой:

— Жень, а чего с лицом-то? К врачу тебе надо.

Хотел ему сказать, это тебе к врачу надо, который от алкоголизма лечит. Но подумал, ему уже никто не поможет, и ответил:

— Упал я. Чего? Сильно разбарабанило?

— А ты в зеркало посмотри, — ответил трудовик.

Глянул на свое отражение и ахнул. На меня смотрело лицо бомжа, но никак не порядочного человека. Причем бомжа после драки и недельной пьянки. Ого, думаю, таки точно к доктору надо. Позвонил сменщику, чтоб за меня поработал, а сам в больницу. В регистратуре паспорт попросили для записи и противным голосом спрашивают:

— А документы ваши хоть?

— Конечно, мои, — говорю, — не видите, что ли, упал, лицо и попортилось.

Кое-как выписали талон и отправили к доктору. Там мне снимок сделали и говорят, мол, кость какая-то сместилась, от этого нос и криво. Я им: «А чего не больно почти?» А они мне: «Это у вас состояние шока». Таблеток дали и мазью намазали. А самый главный, кто по лицам у них, говорит: «Ложиться срочно на операцию надо, пластику лица делать будем, иначе хуже станет. Все исправлять надо». Ну я, дурак, и согласился. Привык верить людям, кто в форме или там в профессиональной одежде. Не зря же им халаты белые выдали, значит, разбираются в чем-то. Я вот тоже в форме на работе хожу, во многом шарю. Прооперировали меня, бинтами замотали, как мумию, и на больничный отправили домой. Сказали повязку через неделю снять аккуратно и на прием повторный. Оксанка дома офигела, конечно. Еще такая:

— А точно это ты, Женя? Или, может, мошенник какой залез в бинты?

Я ей:

— Ты зачем мои ботинки убрала куда-то?

А она:

— Точно мой. Ботинки разбрасывает по всему дому, спотыкаюсь хожу.

В общем, неделю провалился дома, на крайний день утром проснулся, бинты аккуратно снял и обалдел... Не то, конечно, слово, но вдруг дети читают. В отражении теперь на меня смотрел мужчина моложе меня, красивее и даже выражение лица добрее. Он еще смотрит и подмигивает. Ну, я это, конечно, подмигиваю. Но факт есть факт: лицо — совершенно не мое. Проверил на всякий случай тело — вроде мое. Пальцы на руках — те же сосиски. Есть захотелось, иду завтракать и кричу:

— Оксанка, смотри, чего с лицом случилось.

Жена зашла на кухню и чуть не рухнула на пол. А я, значит, этим лицом новым уже сосиску точку и причмокиваю. Видишь, красавец какой теперь.

А она вдруг как закричит:

— Памагите!!! Памагите!

Причем вот так именно: через «а». И побежала полицию вызывать. Ну, думаю, надо в больницу бежать да врачам морду бить, чтобы мою морду исправили. Вот такой взаимозачет — кровь за кровь, морда за морду. В этот раз в нормальных ботинках вышел на улицу, не успела жена спрятать, пока полицию вызывала.

В больнице в регистратуре паспорт опять попросили и такие, но уже ласково:

— А ваши документы, молодой человек, где? У вас тут дедушка какой-то в паспорте.

Думаю, нате, приехали. А потом посмотрели на меня внимательнее и говорят:

— Хотя такому молодцу и так талон дадим.

И подмигнули. Лицо мое в ответ тоже предательски подмигнуло. К доктору залетаю и за грудки халата белого беру.

— Я вам доверился, а вы, значит, так со мной?

— Успокойтесь, успокойтесь. А вы кто вообще?

Пришлось напомнить о себе, в живот легонько ударив. Сразу вспомнил.

А он — это такой побочный эффект, говорит. А я ему: «Какой побочный эффект, где мое старое лицо?» И еще раз его легонько

ударил, уже в правый бок. А он: «Нету старого, теперь только новое». Плюнул я на него, пнул еще напоследок и на работу пошел. Думаю, пусть жена пока успокоится.

В школе подумали, что нового охранника взяли, я не стал переубеждать. Тем более директриса зарплату повысила и на чай с пирожками пригласила. Я не согласился, конечно, жену все же люблю. Сам, кстати, привыкать начал. Вроде в отражении я другом, но все-таки я. Домой вернулся, на пороге Оксана стоит заплаканная. Говорит:

— Прости меня, дурочку, в полиции все проверили, даже отпечатки твои. Оказывается, это действительно ты.

Я ей:

— Я, конечно! Кто же еще. С лицом, — говорю, — побочный эффект, мне доктор сказал.

Поцеловал ее, разулся и аккуратно ботинки на полочку поставил.

ЧАСЫ

Наступает такой момент, когда человек решает разобрать старые вещи. Они копятся годами: в кладовке, на балконе, на антресолях. Вроде и нужные, когда-нибудь пригодятся, либо просто хранят какие-то воспоминания в себе.

Так я во время уборки в кладовке обнаружил старый семейный фотоальбом. Тяжелый, в синем бархате с металлическими вставками на углах. Как-то мама мне его отдала во время очередного переезда — так и остался. Отряхнув альбом от пыли, я погружился в изучение фотографий: молодые и не очень, знакомые и малознакомые лица людей — все тонуло в черно-белом оттенке истории моей семьи. Кот тоже с интересом заглянул в альбом, недовольно чихнул и ушел на кухню просить еду. Отложив альбом, насыпал ему свежего корма, поменял воду и вернулся к табурету у кладовки. Альбома не было.

Еще раз восстановил события в памяти перед походом на кухню, нет, точно, оставил его открытым на табурете. Проверил кладовку, коридор и только в зале обнаружил альбом на диване. Все-таки сам

его принес и забыл. Продолжил листать и на очередном снимке увидел папу. Отец сидел в коридоре возле такой же кладовки на табурете и смотрел фотоальбом. Что за чертовщина? Выбежал в коридор и начал сравнивать — даже табурет стоял там, где был на фотографии. Десять минут назад я сам сидел в такой же позе.

Я оцепенел. Холодок пробежал по телу от самых пяток и остановился где-то на затылке. Папа никогда не был в этой квартире. Когда я сюда переехал, его уже не было в живых. Конечно, советская типовая планировка могла быть одинаковой, но даже обои и люстра были как на снимке. Папе на фотографии было примерно лет 30-35, как и мне сейчас. Что здесь происходит? Я схожу с ума?

Кот вернулся из кухни, запрыгнул на табурет и свернулся калачиком. Перелистнул альбом и на следующем снимке увидел папу уже на диване в зале, с альбомом в руках. Сравнил фотографии и обстановку и обнаружил полное сходство, за исключением одного — на фото не было ковра на полу, и одна из деревянных половиц была сдвинута в сторону, там что-то блестело. Положил аккуратно альбом, убрал ковер и потянул за половицу. Она со скрипом, но достаточно легко отошла в сторону. Внизу блестели наручные часы. Дрожащими руками достал их — старые, похоже, серебряные, без следов ржавчины. На обороте надпись: «Любимому мужу Никонорову Михаилу». Это же часы моего дедушки!

Никогда его не видел, он умер еще до моего рождения, воевал. Вернулся в кладовку — на одной из полок лежали документы на квартиру, в том числе старая домовая книга, судорожно перелистывал, пока не нашел — в 50-х годах в этой квартире жили мои бабушка и дедушка. Как такое возможно? Я этого не знал, и никто не рассказывал мне об этом.

Вернулся к альбому и перелистнул еще страницу — на ней еще молодой дедушка на фоне книжного стеллажа обнимает папу-мальчика, у которого на руках дедушкины часы. Они улыбаются. Больше фото в альбоме не было.

Я отложил альбом. Взял в руки часы, попробовал завести. И чудо! Раздалось мерное тиканье, и стрелка часов продолжила отсчет времени спустя много лет. Надел их на руку и вспомнил всех: папу, маму, дедушек и бабушек, и тоже невольно улыбнулся от теплых воспоминаний. В этот день старых вещей я больше не разобрал.